

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN THE ASIAN REGION

УДК 316.334.4

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)¹

Д.А. Омельченко

(<https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>),

С.Г. Максимова

(<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>),

О.Е. Ноянзина

(<https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>)

*Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул,
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)1-01

Социальная безопасность — важнейший приоритет политики государства, обобщающий все остальные виды безопасности, выступающие необходимыми условиями для ее обеспечения. Социологические опросы с использованием психосемантических методов, проведенные в одном из регионов азиатского приграничья (Алтайский край, 2019 г., n = 75), показали, что соци-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021 гг.)

альная безопасность в регионе определяется его жителями через вероятность реализации экономических рисков — потери дохода и средств к существованию, утраты кредитоспособности и зависит от выраженности нутриционных и транспортных рисков, рисков заболеваемости смертельными, неизлечимыми болезнями, рисков халатности и некомпетентности специалистов в различных областях социальной практики. Социально-экономическая нестабильность и недоверие к базовым социальным институтам, отвечающим за безопасность жизни и здоровья населения, формируют негативные установки населения в отношении социальной безопасности.

Ключевые слова: социальная безопасность, восприятие риска, угрозы социальной безопасности, приграничный регион, азиатское приграничье, Алтайский край.

PERCEPTION OF SOCIAL SECURITY IN REGIONS OF THE RUSSIAN-ASIAN BORDERLAND (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI REGION)

D.A. Omelchenko, S.G. Maximova, O.E. Noyanzina

*Altai State University, Russia, Barnaul,
e-mail: daria.omelchenko@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

Social security is an important priority of the State policy, embracing other kinds of security as essential prerequisites for its provision. Sociological surveys based on psychosemantic methodology, fulfilled in one of the regions of Russian-Asian borderland (the Altai region, 2019, n = 75) have found that social security in the region is primarily defined by its population through probability of realization of economic risks — loss of income, livelihoods and creditworthiness, and depends on expression of nutritional and transport risks, risks of fatal diseases, negligence or incompetence of specialists in different fields of social practice. Social-economic instability and distrust towards basic social institutions, responsible for the security and safeguarding the life and health, form negative attitudes of population about social security.

Keywords: social security, risk perception, threats to social security, border region, Asian borderland, Altai region.

Введение

В зависимости от дисциплинарного подхода и направлений исследований социальная безопасность интерпретируется как состояние, качество или процесс, по-разному очерчиваются ее статические и динамические характеристики, субъекты и объекты, минимальный ряд которых включает личность, отдельные социальные группы и общество в целом (государство, нацию или глобальное сообщество). Даже

краткий обзор определений социальной безопасности приводит к заключению о ее множественных проявлениях и отсутствии единого научного видения. Социальная безопасность понимается как «осознание опасностей, их распознавание, выработку соответствующих мер и практические действия по предотвращению и минимизации угроз» (Левашов, 2002); «состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения интересов, прав, свобод» (Силласте, 1998); «состояние защищенности социальной сферы общества и государства от угроз, способных ее разрушить или обусловить ее деградацию» (Симонович, Киселева, 2013); «состояние социальной сферы, при котором обеспечивается ее устойчивое состояние, оптимальное удовлетворение потребностей, достойное качество жизни, создание условий для развития личности» (Лига, 2013); «социокультурная деятельность, подразумевающая выработку мер и осуществление действий, направленных на обеспечение и защиту прав личности, социальных групп и нации в целом, охрану многообразных интересов населения и создание условий для удовлетворения жизненно-необходимых потребностей и реализации способностей и возможностей социальных субъектов разного уровня» (Самыгин, Латышева, Черевик, 2016). Анализ современных исследований, проведенных в России, показывает постепенный отход от интерпретации социальной безопасности как качественной характеристики или состояния, целиком зависящих от институциональных условий, в пользу деятельностного подхода, трактующего безопасность как стадийный процесс анализа, оценки, поиска способов и реальных действий по предотвращению рисков и угроз.

Справедливо утверждение о том, что социальная безопасность может и должна являться самостоятельным предметом исследований, в том числе в рамках отдельной дисциплины — социологии безопасности, в фокусе которой находится анализ взаимосвязей между субъектами и объектами социальной безопасности и средой безопасности, поиск и описание механизмов достижения и обеспечения безопасности и другие теоретические и практические проблемы (Кузнецов, 2002; Лига, 2013). В то же время практическое исследование социальной безопасности неизбежно сталкивается с необходимостью рассмотрения факторов и причин, нарушающих безопасность, приводящих в действие защитные процессы и механизмы; и, значит, анализ восприятия социальной безопасности так или иначе предполагает и анализ восприятия опасностей, рисков и угроз современного общества, через которые социальная безопасность определяется и конструируется.

Решение данной задачи может пролегать в двух основных направлениях. Первое, развиваемое техническими, экономическими и естественными науками, трактует риски и опасности как абсолютно реальные, познаваемые и квантифицируемые (оцениваемые, измеряемые) феномены. Риск в таком понимании имеет вероятностную природу, он может быть предсказан, могут быть вычислены и оценены и его последствия, независимо от социальных процессов и культурной среды, в которой он реализуется (Яницкий, 2003). Данный подход доминирует во многих областях науки, практики и управления (ярким примером является деятельность страховых компаний), хотя даже его адепты признают наличие многих уязвимых мест, связанных с субъективным характером оценки «объективного риска», ее за-

висимости от политического, психологического (личности эксперта) и культурного контекста.

Второе направление основывается на достижениях гуманитарных дисциплин, прежде всего социологии, философии, культурной антропологии и психологии. В его рамках риск представляет собой социальный конструкт, порождение культуры и общества. Такой подход к анализу риска не отрицает существование реальных опасностей, но открывает дискуссию о различиях в восприятии риска со стороны различных социальных субъектов — тех, кто производит риск, и тех, кто его потребляет, о различных дискурсах в отношении риска, опасности и безопасности. Риск становится частью социальной реальности, феноменом социальной жизни, воспроизводимым совместной деятельностью людей (Яницкий, 2003; Молчанов, 2008). Согласно М. Фуко и его последователям, риск организуется посредством проспективных, реальных и ретроспективных дискурсов. Доминирующий дискурс о риске вплетен во властные отношения, он нормализуется, происходит «рискификация» широкого круга социальных проблем, выходящих за пределы традиционных технических и физических систем (Hardy, Maguire, 2016).

Наше исследование развивает второе направление, его основными задачами выступают анализ особенностей субъективного восприятия рисков и безопасности жителями приграничных регионов России. Нас интересуют значения и смыслы, которые люди ассоциируют с теми или иными рисками и угрозами, как изменяется восприятие риска от поколения к поколению и как позиция в социальной структуре, определяемая базовыми социальными характеристиками — гендерными, возрастными, поселенческими, статусными, этническими и другими, влияет на характер этого восприятия.

Зарубежной наукой накоплен обширный опыт изучения восприятия риска. Одной из авторитетных и одновременно критикуемых является культурологическая теория М. Дуглас и А. Вилдавски (1982), с которой началась дискуссия о восприятии и интерпретации риска (Wildavsky, Dake, 1990). В соответствии с данной теорией восприятие риска взаимосвязано с культурными переменными и социальным обучением, в частности тем, в каких видах деятельности участвует и к каким группам принадлежит индивид (Oltedal, Moen, Klempe, Rundmo, 2004). Как утверждают А. Вилдавски и К. Дейк (1990: 42), культурологическая теория риска способна «предсказать и объяснить, какие именно люди и каким образом будут воспринимать потенциальные угрозы и их опасность». При этом считаются само собой разумеющимися две вещи. Во-первых, предполагается, что разные люди фокусируются на различных аспектах риска, например вероятности его осуществления или на его последствиях. И во-вторых, индивидуальная, субъективная оценка риска в значительной степени отличается от «объективного риска», существующего независимо от знаний индивида и вычисляемого на основе распределений вероятности, хотя в какой-то степени воспринятый риск является отражением реального риска, особенно если речь идет об известных рисках (Sjöberg, 2000).

Было предложено и исследовано множество факторов, объясняющих вариации восприятия риска, среди которых на первом месте практически всегда распола-

гается реальный, «объективный» риск, калькулируемый на основе статистических данных о распространенности того или иного явления, источники которого значительно варьируют в различных частях мира, и чье восприятие зависит от имеющегося опыта столкновения с источником опасности, способности контролировать ситуацию. В этом случае более правдоподобная оценка ожидается в отношении тех рисков, с которыми индивиды уже имели дело, напрямую или косвенно (Wachinger, Renn, Begg, & Kuhlicke, 2013). Уже ранние исследования показали, что драматический характер событий также является важным предиктором: редкие, но впечатляющие по последствиям события обычно оцениваются как более опасные, тогда как распространенность менее ярких, но более типичных событий, напротив, недооценивается (Slovic, Fischhoff, & Lichtenstein, 1981).

Суждения о риске, помимо культурных отличий, во многом оказываются опосредованными когнитивными процессами, в частности способностью воспринимать и перерабатывать информацию. В проспективной теории принятия решений в условиях неопределенности Д. Канемана и А. Тверски (2013) данный тезис является основополагающим. Эта теория утверждает, что люди реагируют по-разному на ситуации, в которых они могут что-то выиграть или потерять, и соответственно принимают различные решения. В случае если рискованный выбор может привести к выигрышу, индивиды предпочитают риск-аверсивные решения с более низкой полезностью (выигрышем), но с более высокой вероятностью (уверенностью) («лучше синица в руках, чем журавль в небе»), тогда как в случае если риск может привести к потерям, индивиды, напротив, чаще недооценивают эти вероятности.

Еще одним важным аспектом, определяющим восприятие риска, является его кумулятивная природа. Степень, с которой люди понимают тот факт, что риск имеет свойство накапливаться (к примеру, отравляющее воздействие никотина при регулярном курении), имеет серьезные теоретические и практические импликации (Slovic, 2000).

Немаловажным является и различие оценок личного и общего риска, риска для «других». Обычно люди оценивают общий риск выше, чем собственный риск, иными словами, имеет место нереалистический, необоснованный оптимизм, хотя в случае негативного опыта участия в авариях, несчастных случаях он слабее и даже может обратиться в «нереалистический пессимизм» (Sjöberg, 2000). Нереалистический оптимизм является не только источником когнитивных искажений, но и источником для позитивного самовосприятия и самооценки личности, самоподдерживающие позитивные иллюзии важны для поддержания ментального здоровья (Heine, & Lehman, 1995).

Величина расхождений может быть опосредована различными обстоятельствами. К примеру, Price (2001) обнаружил, что суждения о риске зависят от размера группы, чей риск оценивается, и что члены больших групп обычно считаются в большей степени подверженными риску, чем члены маленьких групп или групп сверстников.

Другим важным аспектом является культурная дифференциация. Члены различных культур по-разному проявляют когнитивные и мотивационные тенденции,

связанные с поддержанием позитивных иллюзий. Heine и Lehman (1995), основываясь на выводах кросс-культурных исследований Н. Markus и S. Kitayama (1991) о том, что культурная принадлежность опосредует личный опыт, когнитивные, эмоциональные и мотивационные процессы и что эти различия могут быть сведены к двум основным типам, представленным в ориентации на независимость (субъектность, автономность) и взаимозависимость (аффилиацию, коллективность), изучали выраженность оптимизма, связанного с риском, в различных культурных группах. Они выявили, что в обществах с высоким чувством взаимозависимости (таких, например, как Япония) люди испытывают меньше оптимизма по отношению к себе и больше — по отношению к группе, к которой они принадлежат, тогда как в обществах, ориентированных на личную независимость (например, Канада), уровень личного оптимизма гораздо выше.

Биологические факторы, такие как влияние гендера, также нельзя сбрасывать со счетов. Многочисленные исследования подтвердили, что мужчины воспринимают риск иначе, чем женщины (Glendon, Dorn, Davis, Matthews, & Taylor, 1996; Gustafsson, 1998), в частности имеет место значительное преумножение риска мужчинами.

Психометрическая парадигма исследований восприятия риска, продолжающая когнитивные исследования (Sjöberg, 1996), внесла важные уточнения о том, что риск является функцией от свойств объекта риска и что в каждом объекте присутствуют отличительные признаки, по которым люди присваивают объектам статус рискованных или нерискованных. Fischhoff, Slovic, Lichtenstein, Read and Combs (2016) предположили, что риск имеет множество измерений. Они выявили по крайней мере девять общих свойств, которые являются значимыми для вынесения суждения о риске. Этими свойствами являются: добровольность риска (1), безотлагательный характер эффекта (2), знание о риске человека, который подвергает себя опасности (3), научные знания о данном риске (4), контролируемость риска (5), новизна риска (6), хронический (более индивидуализированный) или катастрофический (массовый) характер риска (7), приспособленность к риску или его восприятие в качестве страшного, невыносимого зла (8) и тяжесть последствий (9). Соответственно выраженность этих факторов непосредственным образом отражается в том, что люди думают о рискованности тех или иных действий или технологий.

В последние годы риски и безопасности исследуются в неразрывной связи с доверием, которому приписывается важная роль в понимании особенностей восприятия риска (Eiser, Donovan, Sparks, 2015; Bronfman, Cisternas, López-Vázquez, Cifuentes, 2016). Доверие к экспертным системам, агентствам и корпорациям, социальным институтам, управляющим различными рисками, оценка их эффективности определяют отношение к различным рискам, их принятие в качестве приемлемого или недопустимого. В условиях возросшей неопределенности, нестабильности, непредсказуемости функционирования мировых социальных систем, отраженных в макросоциологических и трансдисциплинарных концепциях У. Бека, Д. Белла, М. Арчер, М. Кастельса, Э. Гидденса, Н. Лумана и их последователей (особенно отметим работы О. Яницкого), риск начинает пронизывать все сферы человеческо-

го бытия, он неотъемлем от человеческой деятельности, постоянно производится и воспроизводится, его последствия часто невидимы и непреодолимы, что делает задачу по обеспечению социальной безопасности как в отдельных государствах, так и на глобальном уровне практически невыполнимой. Таким образом, восприятие риска и безопасности, с одной стороны, оказывается производным от факторов макроуровня, определяющих восприятие современной жизни в целом, ее «турбулентного» характера (Яницкий, 2011), с другой — факторами мезоуровня, характеризующими уровень отдельных обществ, их культуры и ментальности, и наконец, индивидуальными факторами, отражающими жизненный опыт индивидов, их индивидуальные психологические и когнитивные свойства. Исследование особенностей восприятия рисков и безопасности в приграничных регионах России основывается на измерениях на индивидуальном уровне, которые выступают отправной точкой для поиска межгрупповых отличий и в перспективе — определения межрегиональных «зон пересечения» и уникальных особенностей отдельных регионов.

Инструментарий и процедуры

Методической и инструментальной основой исследования восприятия безопасности в приграничных регионах выступали положения экспериментальной психосемантики (Петренко, Супрун, 2016; Петренко, Митина, Гладких, 2018). Психосемантика позволяет осуществить реконструкцию категориальных структур сознания, посредством которых осуществляется восприятие мира и происходящих в нем событий, одновременно выступая в качестве метода познания и его результата, формы репрезентации. Методы психосемантики используются для выявления содержания общественного сознания, в том числе ментальных репрезентаций, ценностных установок и скрытых, плохо рефлекслируемых и структурированных представлений. Они являются более тонкими и продуктивными по сравнению с традиционными опросными методами, надежными в плане защиты от искажений, обусловленных социальной желательностью, более гибкими в аспекте адаптации к исследуемой области, они позволяют интегрировать теоретические наработки в области исследований восприятия риска.

С методико-технологической точки зрения психосемантический подход аккумулирует возможности других исследовательских процедур, таких как семантический дифференциал (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957; Osgood, 1964; Heise, 1970) и метод анализа репертуарных решеток (Fransella, Bell, & Bannister, 2004). Собранные в результате их применения эмпирические данные позволяют описать семантические пространства, выступающие в качестве операциональных моделей категориальных структур сознания и бессознательного. Пространства являются результатом «свертки» трехмерной структуры первичных данных, представленных оценками респондентов (1) отдельных объектов (2) по шкалам-дескрипторам (3), получаемым на основе методов многомерной статистики (кластерного, факторного, дискриминантного анализа, многомерного шкалирования, структурного моделирования и др.). При этом, если обобщенные из исходных оценок латентные факторы являются основаниями (осями) полученного пространства, то координаты объек-

тов в этом пространстве характеризуют индивидуальные (или коллективные, если используются агрегированные данные) смыслы, значения, установки, ассоциируемые с ними. Таким образом, психосемантический подход является комплексной методикой, позволяющей одновременно решать целый ряд исследовательских задач. Мы сочли целесообразным применение данного подхода для изучения особенностей восприятия социальных рисков и угроз в приграничных регионах России.

Процедура психосемантического эксперимента заключалась в оценке перечня потенциальных угроз и опасностей по семибалльным шкалам, измеряющим четыре основных субъективных измерения: вероятность (для себя лично и для граждан моего региона), опасность, защищенность и контролируемость. Список угроз включал 24 позиции, дифференцируемые по разным видам риска: социальным, экологическим, экономическим, техногенным, природным, политическим и информационным. Во всех шкалах, независимо от оцениваемых ситуаций, низкие значения соответствовали безопасности — низкой вероятности для себя и для жителей региона, низкой опасности, высокой защищенности и контролируемости, тогда как высокие значения свидетельствовали о явно ощущаемых угрозах, чувстве уязвимости и отсутствии контроля над ситуацией. Обработка данных проводилась с помощью методов описательной статистики, дисперсионного и факторного анализа. Заключительным этапом стало построение семантического пространства по агрегированным на уровне региона данным на основе координат факторных значений по двум ключевым факторам.

В психосемантических исследованиях в Алтайском крае приняли участие 75 человек. Из них 58,7% проживали в сельской местности, в том числе 33,3% — в Косихинском районе (село Глушинка), 25,4% — в Завьяловском районе (село Светлое), и 41,3% — в городах: Новоалтайске (33,3%) и Барнауле (8%). Распределение по полу — практически равномерное с небольшим перевесом женщин (52%, мужчин — 48%). Возраст опрошенных — от 19 до 69 лет, средний возраст составил $36,8 \pm 1,5$ года, медианный — 34 года.

Большинство принявших участие в исследовании жителей региона имели высшее образование (52%), 6,7% — указали на наличие неполного высшего образования, 22,7% — имели среднее профессиональное образование (техникум или колледж), 12% — начальное профессиональное, и только 6,7% — общее среднее образование. Различия в образованности мужчин и женщин, а также респондентов разного возраста статистически не значимы (z -критерий с поправками Бонферрони, χ^2 , $p \geq 0,05$), что позволяло проводить сравнительный анализ по данному фактору без дополнительного взвешивания. Все респонденты имели русскую этническую принадлежность.

Анализ профилей риска по оценкам вероятности, опасности, контролируемости и защищенности

Первый этап анализа заключался в сопоставлении описательных статистик (средних значений и стандартных отклонений как показателей вариабельности) по отдельным измерениям и ситуациями риска, что позволило выявить угрозы,

воспринимаемые как наиболее вероятные, опасные или неконтролируемые, а также оценить степень воспринимаемой уязвимости респондентов к данным угрозам.

Согласно полученным результатам, жители Алтайского края в большей степени боялись стать жертвой халатности и некомпетентности специалистов, эта угроза была оценена как наиболее вероятная для самих респондентов: среднее значение составило 4,3 балла, почти половина опрошенных (46,7%) поставили высокие оценки (5 баллов и выше). Другими угрозами, также вошедшими в ТОП-5 наиболее вероятных для реализации в личной жизни респондентов, являлись: автомобильные аварии (среднее значение 3,8 балла, доля высоких оценок — 25,3%), вред здоровью от употребления некачественных продуктов питания (среднее значение — 3,7 балла, доля высоких оценок — 34,6%), смертельные, неизлечимые болезни (среднее значение — 3,7 балла, доля высоких оценок — 19,9%), потеря источника дохода, невыплата кредитов, займов, долги (среднее значение — 3,5 балла, доля высоких оценок — 24,0%).

Меньше всего респонденты опасались стать объектом травли, издевательств или унижений, потерять информационную связь с миром, стать одинокими и отверженными, стать жертвами политических репрессий, насилия, теракта, уличных беспорядков и столкновений на межнациональной и межрелигиозной почве. Вероятность стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным также была оценена как низкая. Диапазон средних значений по данным типам угроз составил 2,0–2,4 балла, доли высоких оценок не превышали отметки в 13% (для алкоголизма, наркомании и психических болезней), по большинству показателей они составили 6–8%.

Восприятие вероятности было достаточно гомогенным (среднее стандартное отклонение по всем типам угроз $SD = 1,5$). Наибольшим разбросом отличались оценки вероятности стать алкоголиком, наркоманом или душевнобольным и вероятность потерять работу, попасть под сокращение ($SD = 1,8$), что свидетельствовало о наличии скрытых факторов, обуславливающих дифференцированность оценок. Наибольшая согласованность респондентов наблюдалась в отношении оценки личной вероятности несчастного случая, смертельных болезней или природной катастрофы ($SD = 1,3$).

Оценки вероятности угроз для жителей региона, с одной стороны, воспроизводили личные оценки респондентов, с другой — имели существенные расхождения, отражающие результаты противопоставления респондентов и всех остальных жителей региона.

Список общих угроз включал халатность, некомпетентность специалистов (среднее значение 4,5 балла, доля высоких оценок — 45,3%), смертельные или неизлечимые болезни (среднее значение 4,7 балла, доля высоких оценок — 46,7%), потерю источника дохода и невозможность выплат кредитов, займов (среднее значение 4,8 балла, доля высоких оценок — 57,4%). Уникальными для жителей региона являлись угрозы потери работы, сокращения (среднее значение 5,0 балла, доля высоких оценок — 61,4%) и угроза алкоголизма и наркомании, которая при самооценке оценивалась как маловероятная (среднее значение 4,9 балла, доля высоких оценок — 54,6%).

Список наименее вероятных угроз включал практически те же позиции, что и в случае личной оценки: уличные беспорядки и столкновения на межнациональ-

ной или религиозной почве, политические преследования, теракты и психологическую травлю (диапазон средних оценок 2,4–2,7 балла, доли высоких оценок — 8–13%). При этом вероятность стать жертвой уличных беспорядков оценивалась наиболее вариабельно ($SD = 1,6$), тогда как вероятности потерять жилье, пострадать от природной стихии, пострадать от автомобильной аварии — наиболее согласованно ($SD = 1,1$). Сравнение личных и региональных вероятностей представлено на рисунке 1.

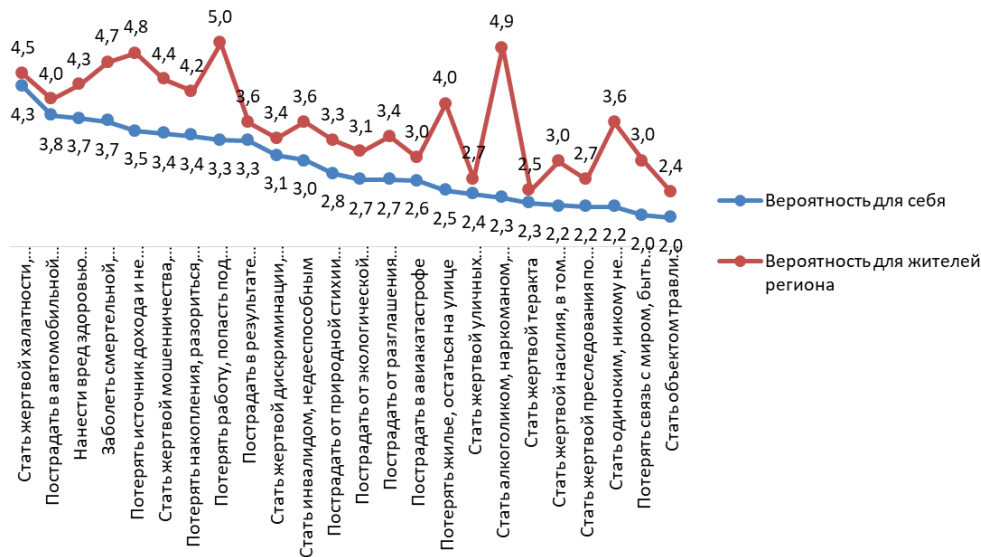

Рисунок 1 — Оценки личной и региональной вероятности риска, средние значения (данные ранжированы по личной вероятности)

Максимально опасными, практически не оставляющими шансов остаться в живых, по мнению опрошенных жителей региона, являлись угрозы неизлечимых болезней, авиакатастрофы, теракта, автомобильной аварии, оценки по которым были ожидаемо высокими. Кроме этого, высокой опасностью по своим последствиям обладали угрозы алкоголизма, наркомании, душевных болезней, инвалидизации и угроза халатности и некомпетентности специалистов — врачей, учителей, чиновников. Диапазон средних оценок по данным показателям составил 5,9–6,4 балла, доли высоких оценок — 77–88%.

Поскольку все угрозы были оценены как весьма опасные, о чем можно судить по доле нулевых оценок, обозначающих отсутствие опасности, которая в целом не превышала 4%, то интерпретация низких оценок могла быть проведена только в терминах относительной безопасности. Наименьшую опасность представляли, по мнению респондентов, угрозы, связанные с разглашением персональной информации, потерей связи с миром, мировым информационным пространством

(это единственный показатель, доля «нулевых» ответов по которому была выше 9%), преследованием по политическим мотивам (средние значения 4,3–4,3 балла, доли высоких оценок варьировали в пределах диапазона 20–25%). Наибольшая вариабельность оценок наблюдалась в отношении последствий потери связи с миром и физического насилия, включая сексуальное ($SD = 1,7-1,8$), наиболее согласованно была оценена опасность алкоголизма, наркомании, психических болезней ($SD = 1,1$).

Далее рассмотрим, как респонденты оценивали свой уровень защищенности от исследуемых угроз и степень их контролируемости.

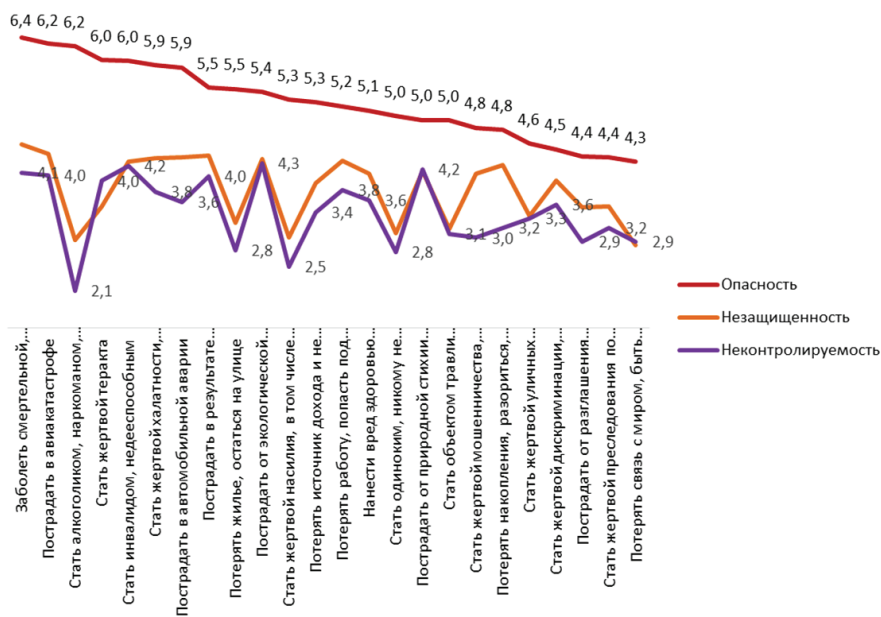

Рисунок 2 — Оценки опасности, незащищенности и неконтролируемости рисков (данные ранжированы по уровню опасности)

Результаты исследования показали, что респонденты чувствовали себя в меньшей степени защищенными от авиационных катастроф (среднее значение — 4,4 балла, доли высоких оценок — 46,6%), смертельных болезней (4,6 балла, 45,2%), экологических катастроф (4,4 балла, 44,0%). Близки оценки незащищенности от халатности и некомпетентности (4,4 балла, 41,4%), аварий и техногенных катастроф (пожаров, взрывов, обрушений зданий) (4,4 балла, 41,3%), автомобильных аварий (4,4 балла, 35,2%), а также безработицы (4,4 балла, 37,3%). Одновременно с этим жители региона считали, что практически полностью защищены от угроз алкоголизма и наркомании, физического насилия, информационной изоляции (средние по данным показателям составили 2,9–3,0 балла, доля высоких оценок варьировала от 14% до 19%). В целом оценки были достаточно согласованными ($SD_{mean} = 1,3$), наибольшие расхождения наблюдались в отношении рисков алкоголизма, нарко-

мании, психических заболеваний, терактов и авиакатастроф ($SD = 1,8$), наименьшие — в отношении защищенности от инвалидности, мошенничества, автомобильных аварий ($SD = 1,2$).

Что касается возможностей управления и предотвращения угроз, то наименее контролируемые респонденты считали авиационные и экологические катастрофы, технические аварии и природные бедствия, а также угрозы теракта, инвалидности и смертельных болезней (средние значения в диапазоне 4,0–4,3 балла, доля высоких оценок — от 25% до 33%). Минимальная потеря самоконтроля наблюдалась в случае оценки алкоголизма, наркомании и психических болезней (2,1 балла, 1,3%), а также насилия, в том числе сексуального (2,5 балла, 5,4%). Наибольшее единодушие оценок наблюдалось в оценках мошеннических действий ($SD = 1,0$), а также в оценках угроз банкротства, безработицы, потери кредитоспособности, утраты жилья и средств к существованию ($SD = 1,0$), тогда как наиболее дискуссионными являлись оценки возможности контролируемости аварий при перелетах и террористических актов ($SD=1,8$) (рис. 2).

Таким образом, большинство угроз различалось по субъективной вероятности осуществления, опасности, защищенности и возможности контролировать данные события. Между тем по ряду угроз оценки были приближены к максимальным по всем параметрам. Это угрозы онтологической безопасности, волнующие жителей в наибольшей степени, составляющие суть их страхов и фобий. Высокая вероятность стать жертвой, трудности избегания, осознание огромной опасности последствий и невозможности контролировать свою жизнь являлись значимыми характеристиками социального неблагополучия, свидетельствовали о наличии серьезных общественных проблем и слабой функциональности социальных институтов, отвечающих за их решение. К их числу относились угрозы халатности и некомпетентности специалистов, смертельных и неизлечимых болезней, безработицы и аварий на транспорте. Одновременно с этим стоит указать на явную недооценку вероятности осуществления угроз, которые жители региона воспринимают как полностью контролируемые или недостаточно значимые в виду актуального отсутствия уязвимости. Особенно это касается угроз алкоголизма, наркомании, психических болезней, угроз информационной и общественной безопасности.

Социально-демографические и социоструктурные детерминанты восприятия угроз безопасности

На следующем этапе был проведен многофакторный многомерный дисперсионный анализ, позволивший выявить значимые факторы и их сочетание (эффекты интеракции), воздействующие на всю совокупность оцениваемых рисков и угроз, определяемую в качестве множественной зависимой переменной.

Его результаты показали, что статистически значимые изолированные эффекты на всю совокупность угроз оказывали следующие факторы: место проживания респондентов (в отношении оценок вероятности для себя, жителей региона и опасности), социально-трудовой статус (в отношении вероятности для себя, для жителей региона) и возраст (только в отношении вероятности). Пол респондента,

его уровень образования значимого воздействия не оказывали, однако проявили себя в качестве сопутствующих факторов в эффектах взаимодействия.

Таблица 1

Результаты многомерного дисперсионного анализа (ОЛМ-многомерная модель) по каждому параметру оценки риска и безопасности

Эффекты	Вероятность для себя	Вероятность для жителей региона	Опасность	Незащищенность	Неконтролируемость
Главные эффекты					
Место проживания (город vs село)	< 0,0001	< 0,0001	< 0,0001	0,06	0,09
Пол	0,06	0,12	0,55	0,65	0,42
Уровень образования (высшее+ vs низшие уровни)	0,26	0,63	0,96	0,63	0,35
Социально-трудовой статус (Работающие vs неработающие)	0,03	< 0,0001	0,52	0,42	0,33
Возраст	0,02	0,01	0,72	0,63	0,01
Эффекты взаимодействия					
Место проживания * Пол	< 0,0001	0,64	0,60	0,96	0,48
Место проживания * Образование	0,93	< 0,0001	0,87	0,41	0,10
Место проживания * Социально-трудовой статус	0,15	< 0,0001	0,84	0,99	0,63
Место проживания * Возраст	0,54	0,06	0,68	0,65	0,26
Пол * Образование	0,82	0,09	0,01	0,60	0,71
Пол * Социально-трудовой статус	0,83	0,56	0,87	0,76	0,78
Пол * Возраст	0,16	0,10	0,70	0,43	0,83
Образование * Социально-трудовой статус	0,05	0,96	0,97	0,92	0,99
Образование * Возраст	0,05	0,59	0,51	0,30	0,01
Статус * Возраст	< 0,0001	< 0,0001	0,22	0,71	0,15

Так, женщины и мужчины по-разному оценивали личные вероятности рисков в зависимости от того, в каком типе местности они проживали — в городе или селе, а их оценка опасности дифференцировалась еще и по уровню образования. Оценки вероятности реализации угроз для жителей региона зависели от совместного влияния места проживания и уровня образования респондентов, а также от места проживания и социально-трудового статуса. Эффект взаимодействия образования и возраста по отношению к оценкам контролируемости рисков заключался в том, что лица с одинаковым уровнем образования, но разного возраста давали статистически значимо различающиеся оценки, тогда как совместное влияние социально-трудового статуса и возраста было значимым для оценок вероятности осуществления рискованных ситуаций, как для себя, так и для жителей региона в целом (таблица 1).

Для уточнения направленности влияния были проведены отдельные одномерные анализы по каждому фактору, оцениваемому параметру (вероятность для себя, вероятность для жителей региона, опасность, незащищенность и неконтролируемость) и типу угрожающего события.

Наиболее важным фактором из всех являлся фактор места проживания, именно по нему было обнаружено наибольшее количество статистически значимых отличий.

Исследование показало, что сельские жители значимо выше оценивали вероятность (для себя и для других жителей региона) банкротства и разорения, физического насилия, уличных столкновений на почве межнациональной и межрелигиозной вражды, теракта и инвалидизации. Жители региона, по мнению селян, более подвержены риску автомобильных аварий, насилию, травле и риску социальной изоляции (у городских жителей по этим показателям значимо более низкие оценки), тогда как сами они имеют большую вероятность стать жертвой природной стихии, техногенной катастрофы, потери приватности и кредитоспособности. Жители сельских поселений давали более высокие оценки опасности последствий мошенничества, насилия и употребления некачественных продуктов питания, а также неконтролируемости халатности и некомпетентности. Трудно контролируемым также являлся, по мнению сельских жителей (по сравнению с городскими) риск для здоровья из-за некачественного питания.

В отличие от сельских жителей, респонденты, проживающие в городе, значимо выше оценивали уровень своей уязвимости и незащищенности от действий мошенников, риска безработицы, смертельных и неизлечимых болезней, потери жилья, насилия, авиационных аварий и катастроф, информационной изоляции. Наибольшие различия касались оценок уязвимости к риску алкоголизма, наркомании, психических заболеваний (разница в средних составила 1,35 балла). Кроме этого, риски неизлечимых заболеваний оценивались городскими жителями как менее контролируемые, тогда как у селян имела большая надежда на выздоровление. Более опасными городские жители, по сравнению с жителями села, считали последствия от авиакатастроф (таблица 2). В целом сельские жители были склонны давать более высокие оценки вероятности и опасности угроз, тогда как городские жите-

ли чувствовали себя в большей степени уязвимыми, в особенности по отношению к экономическим и социальным рискам, демонстрирующим слабость институтов социальной защиты и правопорядка.

Таблица 2

Разности средних значений в группах респондентов, проживающих в городской и сельской местности (полу жирным шрифтом выделены статистически значимые различия, t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$, положительный знак свидетельствует о более высоких оценках городских жителей, отрицательный — сельских)

Угрозы	Вероятность для себя	Вероятность для жителей региона	Опасность	Незащищенность	Неконтролируемость
Банкротство	-0,84	-0,74	-0,56	0,74	-0,02
Мошенничество	-0,47	-0,25	-0,55	0,77	0,05
Безработица	0,15	0,16	0,04	0,93	0,29
Алкоголизм, наркомания, психические заболевания	0,20	-0,27	0,04	1,35	0,48
Смертельная болезнь	0,38	0,51	0,29	0,93	1,33
Потеря жилья	-0,12	-0,10	0,27	0,83	0,14
Насилие	-0,56	-0,94	-1,70	0,80	0,21
Халатность	-0,72	-0,03	-0,31	-0,07	-0,66
Автомобильная авария	-0,37	-0,49	-0,35	0,23	0,02
Авиакатастрофа	-0,09	-0,49	0,58	0,86	0,43
Теракт	-0,73	-1,13	-0,01	-0,78	-0,02
Инвалидизация	-0,90	-0,87	0,45	0,48	0,48
Экологическая катастрофа	-0,42	-0,23	-0,37	0,58	-0,16
Природная стихия	-0,69	-0,46	-0,50	0,31	-0,41
Уличное столкновение	-1,13	-1,30	-0,70	-0,20	-0,33
Несчастный случай	-0,87	-0,46	0,29	-0,03	-0,10
Дискриминация	0,11	0,05	-0,27	0,40	-0,13
политическое преследование	-0,13	-0,07	0,01	-0,12	-0,38
Травля	-0,47	-1,08	0,07	0,08	-0,28

Угрозы	Вероятность для себя	Вероятность для жителей региона	Опасность	Незащищенность	Неконтролируемость
Отвержен	-0,24	-0,79	0,48	0,63	-0,31
Информационная изоляция	0,13	-0,20	-0,12	0,81	0,07
Потеря приватности	-0,83	-0,55	-0,39	-0,15	-0,33
Качество питания	-0,69	-0,15	-0,94	-0,39	-0,85
Долги	-0,95	-0,31	-0,07	0,03	-0,18

Наиболее значимые возрастные различия проявились в оценках личной вероятности рисков дискриминации и получения вреда здоровью в результате употребления некачественных продуктов питания, а также уровня защищенности/незащищенности от нутриционных рисков.

Сравнение трех возрастных групп (до 30 лет, 31–49 лет и старше 50 лет) показало, что вероятность стать жертвой дискриминации, нарушения своих прав значимо выше оценивали представители молодежи и старшего поколения (средние значения 3,52 и 3,64 балла), тогда как респонденты средней возрастной группы дали существенно более низкие оценки — 2,41 балла ($p < 0,05$, критерий Тьюки, однофакторный дисперсионный анализ, апостериорные сравнения). Что касается качества питания, то по этому показателю достоверные различия наблюдались между респондентами среднего возраста (3,1) и молодым поколением, для которого эта проблема являлась более актуальной (4,41). Оценки уязвимости к данному риску воспроизводили сходную тенденцию: молодежь ощущала себя более незащищенной от рисков, связанных с качеством продуктов питания (4,55), тогда как среди представителей «среднего возраста» количество лиц, ощущающих свою уязвимость к нутриционным рискам, было гораздо меньше (3,66).

Социально-трудовой статус играл решающую роль в оценках личной вероятности респондентов потерять работу, попасть под сокращение кадров и стать жертвой несчастного случая вследствие технической аварии на производстве и в быту, повлекшей за собой пожары, взрывы и другие опасные для жизни и здоровья события. В первом случае оценки вероятности были выше в группе работающих, что вполне объяснимо, так как неработающие не имели такого риска в силу нетрудоспособности или отсутствия работы. Риски несчастных случаев, напротив, значимо выше оценивались в группе неработающих респондентов, состоящей из обучающихся, студентов, пенсионеров, домохозяек, незанятых по состоянию здоровья или безработных.

Латентные факторы оценки и общее семантическое пространство угроз социальной безопасности

На последнем этапе анализа подробно изучались взаимосвязи между отдельными угрозами и обобщенными оценками по отдельным параметрам, которые были

сведены в единое семантическое пространство, позволяющее в сжатом виде визуализировать основные результаты исследования.

Два параллельных факторных (компонентных) анализа — матрицы агрегированных средних значений, в которой риски выступали переменными, и транспонированной матрицы, с параметрами оценки в качестве переменных и рисками в качестве наблюдений, позволили одновременно описать категориальные структуры в терминах содержания угроз и параметров оценки.

Согласно результатам факторного анализа по угрозам (метод главных компонент с варимакс-вращением), было выделено два значимых фактора, описывающих 96,6% дисперсии переменных (таблица 3). Факторный анализ по параметрам позволил также выделить два фактора, совокупно объясняющих 80,5% дисперсии (таблица 4).

Во всех случаях факторы были униполярными и имели только положительные знаки нагрузок переменных. Содержание первого фактора определяли следующие риски и угрозы, имеющие максимальные нагрузки (> 0,9): экологические катастрофы, катастрофы, произошедшие в результате действия природных стихий, террористические акты, уличные столкновения, в том числе по этническим и религиозным причинам, авиакатастрофы и преследования по политическим мотивам. Близкие к максимальным факторные значения (0,88–0,89) имели угрозы буллинга и несчастного случая, инвалидизации и дискриминации. Суть второго фактора описывалась через значение рисков банкротства и безработицы; алкоголизма, наркомании и душевных болезней; потери кредитоспособности и потери сбережений в результате мошенничества. Высокие факторные значения имели также риски социальной эксклюзии и потери жилья, вреда здоровью от употребления некачественных продуктов, халатности и некомпетентности. Согласно факторному анализу по параметрам, этот фактор был в большей степени взаимосвязан с параметрами вероятности реализации риска — личной и региональной. Таким образом, первое измерение наилучшим образом описывало трудно контролируемые и масштабные по последствиям риски различного происхождения — природные, техногенные, социетальные, тогда как содержание второго включало социально-экономические риски и ассоциируемые с ними социальные и психологические риски, для которых ведущим параметром являлась оценка вероятности (таблицы 3 и 4).

Таблица 3

Результаты факторного анализа угроз социальной безопасности

	K1	K2
Пострадать от экологической катастрофы (химическое и радиационное загрязнение воздуха, воды, ядерные испытания)	0,97	0,24
Пострадать от природной стихии (наводнение, землетрясение и др.)	0,95	0,26
Стать жертвой теракта	0,94	0,31

	K1	K2
Стать жертвой уличных беспорядков, столкновений на межнациональной или религиозной почве	0,93	0,36
Пострадать в авиакатастрофе	0,93	0,37
Стать жертвой преследования по политическим мотивам (из-за разделяемых взглядов, убеждений)	0,92	0,37
Стать объектом травли (издевательств, унижения)	0,89	0,45
Пострадать в результате несчастного случая (взрыв газа, пожар, обрушение зданий и др.)	0,89	0,45
Стать инвалидом, недееспособным	0,89	0,45
Стать жертвой дискриминации, испытать ущемление в своих правах	0,88	0,44
Потерять связь с миром, быть отрезанным от мирового информационного пространства	0,75	0,62
Стать жертвой насилия, в том числе сексуального характера	0,68	0,72
Заболеть смертельной, неизлечимой болезнью	0,65	0,76
Пострадать в автомобильной аварии	0,65	0,72
Пострадать от разглашения персональной информации, фото, взлома аккаунта и т.п.	0,64	0,76
Стать одиноким, никому не нужным, отверженным	0,56	0,81
Потерять жилье, остаться на улице	0,50	0,86
Нанести вред здоровью некачественными, синтетическими, генно-модифицированными продуктами	0,48	0,87
Стать жертвой халатности, некомпетентности специалистов (врачей, учителей, чиновников и т.д.)	0,47	0,81
Потерять накопления, разориться, обанкротиться	0,37	0,88
Потерять работу, попасть под сокращение	0,30	0,88
Стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным	0,26	0,95
Потерять источник дохода и не выплатить кредиты, займы, попасть в должники кредитной организации (коллекторского агентства)	0,23	0,96
Стать жертвой мошенничества, жульничества	0,21	0,95

Семантическое пространство (рисунок 3), координатными осями которого выступали выделенные латентные факторы, позволило геометрически представить взаимосвязи между оцениваемыми угрозами и «центроидами» ключевых параметров. Чем более близкими являлись факторные значения, тем ближе в пространстве находились координаты «точек», релевантных той или иной угрозе, тем более сходным было их восприятие респондентами в свете смысла, заданного факторами. Примечательно, что параметры оценки довольно четко распределились по квадрантам пространства, к ним примыкали угрозы, имеющие близкое значение в свете

ключевых факторов. Так, правый верхний квадрант соответствовал положительным значениям по обоим факторам (высокие значения по неконтролируемости и по вероятности), основным параметром, который его репрезентировал, являлась «опасность по своим последствиям». Ближе всего к данной точке располагались угрозы смертельных и неизлечимых болезней, автомобильных аварий, безработицы, халатности. В правом нижнем квадранте располагались координаты самих параметров «незащищенности» и «неконтролируемости», сформировавших первую ось, которые были в значительной степени коррелированными ($r = 0,8$, $p < 0,05$). Ближе всего к «центру» незащищенности располагались угрозы несчастного случая, инвалидизации, дискриминации, тогда как наименее контролируемы были теракт, природная стихия, экологическая катастрофа.

Левая часть пространства (отрицательные значения по первому фактору) репрезентировала более контролируемые (в понимании респондентов) и в то же время более вероятные и часто встречающиеся риски и угрозы. Личные и общие (региональные) вероятности оказались в разных квадрантах, что являлось яркой иллюстрацией отрицания риска и предвзятого, стереотипного отношения к «другому».

Таблица 4

Результаты факторного анализа параметров оценки

	Компонент	
	1	2
Вероятность для себя	0,49	0,78
Вероятность для жителей региона	-0,05	0,97
Опасность	0,38	0,43
Незащищенность	0,86	0,43
Неконтролируемость	0,98	-0,03

Так, жители региона, по мнению респондентов, в большей степени подвергались рискам мошенничества, банкротства, алкоголизации, потери жилья, были неспособны противостоять данным рискам, что фактически вменялось им в «вину» («сами виноваты»). Личные риски (левый нижний квадрант — отрицательные значения по обоим факторам) были менее опасными и более контролируемыми, а также менее встречающимися. В целом респонденты чувствовали себя в большей безопасности, по сравнению с другими жителями региона, что, с одной стороны, свидетельствовало об отрицании, недооценке многих рисков (типичные стереотипы — «со мной этого не случится» или «я-то смогу с этим справиться»), а с другой — подобные оценки были следствием действия защитных механизмов, нивелирующих отрицательные переживания, беспокойство и тревожность в условиях сильного напряжения и социальных противоречий между внутренними потребностями, ожиданиями, связанными с безопасностью, и неопределенной внешней

средой. Основными угрозами, ассоциирующимися с потерями «для себя лично» являлись «Пострадать от разглашения персональной информации, фото, взлома аккаунта и т.п.» (ПотерПриват), «Стать одиноким, никому не нужным, отверженным» (Отвержен), «Стать жертвой насилия, в том числе сексуального характера» (Насилие), а также отчасти «Потерять связь с миром, быть отрезанным от мирового информационного пространства». Таким образом, в семантическом пространстве нашли отражение не только исходные оценки, позволяющие структурировать и реконструировать риски в систему категорий, дифференцируемую исходя из субъективно задаваемых критериев оценки, в которых исходные параметры оценки выступают в смешанном, переходном виде, но и личное отношение и неосознаваемые компоненты установок жителей региона, их страхи и предубеждения.

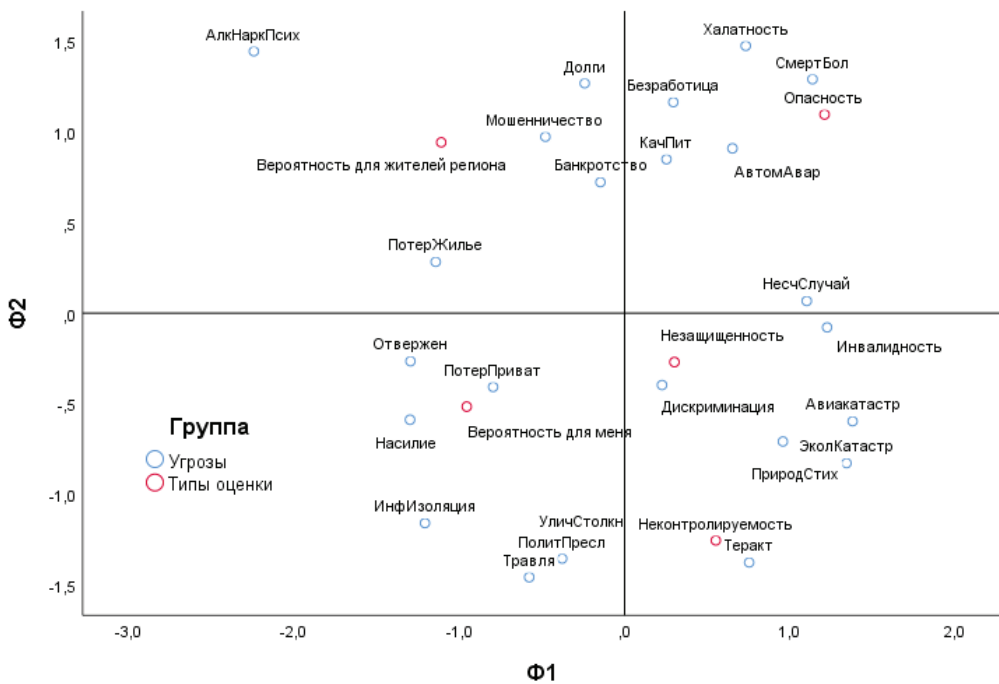

Рисунок 3 — Общее семантическое пространство угроз социальной безопасности и их измерений

Таким образом, на данном этапе исследования была разработана многомерная теоретическая модель анализа рисков, лежащая в основе проведенных психосемантических экспериментов, учитывающая пять параметров субъективной оценки риска — вероятность реализации риска (личный риск и риск для жителей региона), опасность последствий, незащищенность и неконтролируемость, по которым оценивались ключевые группы рисков социальной безопасности — социальные, экономические, экологические, техногенные, природные, политические, информационные, позволила описать особенности восприятия населением социальной сферы

с позиций ее соответствия критериям безопасности, защищенности от основных угроз и опасностей, в том числе выявить риски, в отношении которых население испытывает наибольшие страхи и опасения, ощущает свою уязвимость, исследовать социоструктурные детерминанты, опосредующие рисковое восприятие, латентные факторы, структурирующие субъективные оценки респондентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе. М.: Республика, 2002.

Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность. Социологические исследования, 2002, No. 3, 19–28.

Лига М.Б. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ. Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки, 2013, 4(51), 170–177.

Молчанов А.В. Социальная феноменология риска: концептуальный анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2008.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологический манифест психосемантики. Психологический журнал, 2016, 37(3), 5–14.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Гладких Н.Ю. Психосемантика мягкой силы в геополитике. Социологические исследования, 2018, 1(1), 40–51.

Самыгин С.И., Латышева А.Т., Черевик К.С. Социальная безопасность как социокультурная деятельность. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016, No. (1-2), 58–62.

Силласте Г.Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности. Социологические исследования, 1998, No. 12, 62–72.

Симонович Н.Е., Киселёва И.А. Проблемы социальной безопасности человека в современном обществе. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2013, No. 44, 48–52.

Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи. Мир России. Социология. Этнология, 2003, 12(1), 3–35.

Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска. Общественные науки и современность, 2011, No. 6, 155–164.

Bronfman N.C., Cisternas P.C., López-Vázquez E., Cifuentes L.A. Trust and risk perception of natural hazards: implications for risk preparedness in Chile. Natural Hazards, 2016, 81(1), 307–327.

Douglas M., Wildavsky A. How can we know the risks we face? Why risk selection is a social process. Risk Analysis, 1982, 2(2), 49–58.

Eiser J.R., Donovan A., Sparks R.S.J. Risk perceptions and trust following the 2010 and 2011 Icelandic Volcanic Ash Crises. Risk Analysis, 2015, 35(2), 332–343.

- Fischhoff B., Slovic P., Lichtenstein S., Read S., Combs B. How Safe Is Safe Enough? A Psychometric Study of Attitudes Toward Technological Risks and Benefits. In: *The Perception of Risk*. Routledge, 2016. pp. 118–141.
- Fransella F., Bell R., Bannister D. *A manual for repertory grid technique*. John Wiley & Sons, 2004.
- Glendon A.I., Dorn L., Davies D.R., Matthews G., Taylor R.G. Age and gender differences in perceived accident likelihood and driver competences. *Risk Analysis*, 1996, 16(6), 755–762.
- Gustafsson P.E. Gender Differences in risk perception: Theoretical and methodological perspectives. *Risk Analysis*, 1998, 18(6), 805–811.
- Hardy C., Maguire S. Organizing risk: Discourse, power, and “riskification”. *Academy of Management Review*, 2016, 41(1), 80–108.
- Heine S.J., Lehman D.R. Cultural variation in unrealistic optimism: Does the West feel more vulnerable than the East? *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, 68(4), 595–607.
- Heise D.R. The semantic differential and attitude research. *Attitude Measurement*, 1970, 4, 235–253.
- Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. In: *Handbook of the fundamentals of financial decision making: Part I*, 2013. pp. 99–127.
- Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991, 98(2), 224–253.
- Oltedal S., Moen B. E., Klempe H., Rundmo T. *Explaining risk perception: An evaluation of cultural theory*. Trondheim: Norwegian University of Science and Technology, 2004, 85(1–33).
- Osgood C.E. Semantic differential technique in the comparative study of cultures 1. *American Anthropologist*, 1964, 66(3), 171–200.
- Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. *The measurement of meaning*. University of Illinois press, 1957.
- Price P.C. A group size effect on personal risk judgments: Implications for unrealistic optimism. *Memory & Cognition*, 2001, 29(4), 578–586.
- Sjöberg L. A discussion of the limitations of the psychometric and cultural theory approaches to risk perception. *Radiation Protection Dosimetry*, 1996, 68(3–4), 219–225.
- Sjöberg L. Factors in risk perception. *Risk Analysis*, 2000, 20(1), 1–12.
- Slovic P. What does it mean to know a cumulative risk? Adolescents’ perceptions of short-term and long-term consequences of smoking. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2000, 13(2), 259–266.
- Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S. Rating the risks. In: *Risk/benefit analysis in water resources planning and management*. Springer, Boston, MA, 1981. pp. 193–217.
- Wachinger G., Renn O., Begg C., Kuhlicke C. The risk perception paradox—implications for governance and communication of natural hazards. *Risk Analysis*, 2013, 33(6), 1049–1065.
- Wildavsky A., Dake K. Theories of risk perception: Who fears what and why? *Daedalus*, 1990, 41–60.

REFERENCES

- Kuznetsov, V.N. (2002). *Sociologiya bezopasnosti: Formirovanie kul'tury bezopasnosti v transformiruyushchemsya obshchestve* [Sociology of security: formation of security culture in the society under transformation]. Moscow: Respublika.
- Levashov, V.K. (2002). Globalizaciya i social'naya bezopasnost' [Globalization and social security]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], (3), 19–28.
- Liga, M. B. (2013). Social'naya bezopasnost' i kachestvo zhizni: konceptual'nyj analiz [Social security and quality of life: conceptual analysis]. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sociologicheskie nauki* [Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Sociological Sciences], 4(51), 170–177.
- Molchanov, A.V. (2008). *Social'naya fenomenologiya riska: konceptual'nyi analiz* [Social phenomenology of risk: conceptual analysis] (PhD Thesis). Saratov: Saratov State University.
- Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. (2016). Metodologicheskij manifest psihosemantiki [Methodological manifesto of psychosemantics]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal] urnal, 37(3), 5–14.
- Petrenko, V.F., Mitina, O.V., & Gladkih, N.Yu. (2018). Psihosemantika myagkoj sily v geopolitike [Psychosemantics of the soft power in geopolitics]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1(1), 40–51.
- Samygin, S.I., Latysheva, A.T., & Cherevik, K.S. (2016). Social'naya bezopasnost' kak sociokul'turnaya deyatel'nost' [Social security as sociocultural activity]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences], (1-2), 58–62.
- Sillaste, G.G. (1998). Zhenshchina kak ob'ekt i sub'ekt sotcal'noij bezopasnosti [Woman as an object and subject of social security]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], (12), 62–72.
- Simonovich, N.E., & Kiseleva, I.A. (2013). Problemy social'noj bezopasnosti cheloveka v sovremennom obshchestve [Issues of human security in contemporary society]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], (44), 48–52.
- Yanickij, O.N. (2003). Sociologiya riska: klyuchevye idei [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 12(1), 3–35.
- Yanickij, O.N. (2011). «Turbulentnye vremena» kak problema obshchestva riska [“Times of turbulence” as an issue of risk society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], (6), 155–164.
- Bronfman, N.C., Cisternas, P.C., López-Vázquez, E., & Cifuentes, L.A. (2016). Trust and risk perception of natural hazards: implications for risk preparedness in Chile. *Natural Hazards*, 81(1), 307–327.
- Douglas, M., & Wildavsky, A. (1982). How can we know the risks we face? Why risk selection is a social process. *Risk Analysis*, 2(2), 49–58.
- Eiser, J.R., Donovan, A., & Sparks, R.S.J. (2015). Risk perceptions and trust following the 2010 and 2011 Icelandic Volcanic Ash Crises. *Risk Analysis*, 35(2), 332–343.

- Fischhoff, B., Slovic, P., Lichtenstein, S., Read, S., & Combs, B. (2016). How Safe Is Safe Enough? A Psychometric Study of Attitudes Toward Technological Risks and Benefits. In: *The Perception of Risk* (pp. 118–141). Routledge.
- Fransella, F., Bell, R., & Bannister, D. (2004). *A manual for repertory grid technique*. John Wiley & Sons.
- Glendon, A.I., Dorn, L., Davies, D.R., Matthews, G., & Taylor, R.G. (1996). Age and gender differences in perceived accident likelihood and driver competences. *Risk Analysis*, 16(6), 755–762.
- Gustafsson, P.E. (1998). Gender Differences in risk perception: Theoretical and methodological perspectives. *Risk Analysis*, 18(6), 805–811.
- Hardy, C., & Maguire, S. (2016). Organizing risk: Discourse, power, and “riskification”. *Academy of Management Review*, 41(1), 80–108.
- Heine, S.J., & Lehman, D.R. (1995). Cultural variation in unrealistic optimism: Does the West feel more vulnerable than the East? *Journal of Personality and Social Psychology*, 68(4), 595.
- Heise, D.R. (1970). The semantic differential and attitude research. *Attitude measurement*, 4, 235–253.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (2013). Prospect theory: An analysis of decision under risk. In: *Handbook of the fundamentals of financial decision making: Part I* (pp. 99–127).
- Markus, H.R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224.
- Oltedal, S., Moen, B.E., Klempe, H., & Rundmo, T. (2004). *Explaining risk perception: An evaluation of cultural theory*. Trondheim: Norwegian University of Science and Technology, 85(1–33).
- Osgood, C.E. (1964). Semantic differential technique in the comparative study of cultures 1. *American Anthropologist*, 66(3), 171–200.
- Osgood, C.E., Suci, G.J., & Tannenbaum, P.H. (1957). *The measurement of meaning* (No. 47). University of Illinois press.
- Price, P.C. (2001). A group size effect on personal risk judgments: Implications for unrealistic optimism. *Memory & Cognition*, 29(4), 578–586.
- Sjöberg, L. (1996). A discussion of the limitations of the psychometric and cultural theory approaches to risk perception. *Radiation Protection Dosimetry*, 68(3–4), 219–225.
- Sjöberg, L. (2000). Factors in risk perception. *Risk Analysis*, 20(1), 1–12.
- Slovic, P. (2000). What does it mean to know a cumulative risk? Adolescents’ perceptions of short-term and long-term consequences of smoking. *Journal of Behavioral Decision Making*, 13(2), 259–266.
- Slovic, P., Fischhoff, B., & Lichtenstein, S. (1981). Rating the risks. In: *Risk/benefit analysis in water resources planning and management* (pp. 193–217). Springer, Boston, MA.
- Wachinger, G., Renn, O., Begg, C., & Kuhlicke, C. (2013). The risk perception paradox—implications for governance and communication of natural hazards. *Risk Analysis*, 33(6), 1049–1065.
- Wildavsky, A., & Dake, K. (1990). Theories of risk perception: Who fears what and why? *Daedalus*, 41–60.